

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕВГЕНИЙ АНТИПОВ

КЛОДИЯ
СЕСТРА
КЛОДИЯ

100 СТИХОТВОРЕНИЙ

2016

ББК 84 (2Рос=Рус)6

А 72

ISBN ???-?-??????-??-?

Антипов Е. Клодия сестра Клодия. СПб.: Серебряный век,
2016 – 128 стр.: ил.

Иллюстрации: Антипов Е.И..
В оформлении обложки использована картина «Хронос»,
Антипов Е.И., 1991.

Редактор:
В.П.Пресняков

© Е.И. Антипов, 2016
© Издательство «Серебряный век», 2016

ПРОЛОГ

I КАТУЛЛ

Потом – литературный след,
успех мой или не успех...

Она
явилась на земле,
а я воспел.

Всего, провозгласил моей
из самых девственных венер,
из всех творений всех морей,
из всех гетер...

Прости меня, мой Геродот,
за мир мой. (Мраморный, но – свой).
За фатализм, надменный тон,
манерный слог.

Мой Флавий, этим и живу.
Иных веселий нет уже.
Нет звонких звуков наяву
и нет в душе.

Не для тоски, не для наяд,
не для житья (для жизни – кнут),
для мраморов мой мир. Но я
еще сверкну!

В кирасе слов – во всей красе! –
еще свершу свою из книг,
свою на свете! И совсем
не о любви.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

II AVE ЛИРА

Лети, птенец, падай!
...Внесем и мы ноту,
споем – среди ада,
споем – сердцам! – оду.

Один – вода, вольность,
другой – огонь, мистик.
И вот – нашлись. Двое.
Зачем они вместе?

Что тут сказать в буквах?
О чем скрипеть перьям?
Для них двоих – буря,
вокруг – давно пепел.

Блестит бумага глянец –
снега словам устным.
А в небеса глянешь –
а в небесах пусто.

А в небесах – воздух.
И во поле воин,
и воевать поздно.
И лишь сердца: двое.

Живет с пером птица,
живет зверье, воят,
живет оно, тельце.
И лишь сердца: двое.

Дух Святой, стань третьим;
дрожит, как жизнь, свечка.
Их греет лишь трепет,
их время – лишь вечность.

III

Да кто ж мне компенсирует потери
ресурсов энных, загнанных стихов,
гипертрофию сердца в нервном теле?
Заплатит чем за непорочность снов?

За пьянки, за блевотину публично,
за телевечера, таблетный мел,
за ревность (не безумную, приличную),
за пафос в грезах, за юродство вне.

За идеалистичность (до и после),
за время, что прошло, прошло не так,
как надо. За любовь. А впрочем, бог с ней.
Вот солнца жаль. И утра. Ведь тогда

лениво думал (солнечным-то утром),
что жизнь прошла, что скоро мне конец –
с лицом Перикла, в водорослях мутных
вылавливая скользкий огурец.

IV

Дон Кихот ли, дон Жуан...
Нет, ни тот и ни другой.
Как я жил? чего желал?
предводитель злых погонь.

Ни ругательств, ни слезы
не таят мои слова –
вырван прежний мой язык,
но мечты не предавал.

Что обманом, что ва-банк,
– все! – спасти тебя нельзя.
У позорного столба
я немножко Себастьян.

Добросовестный талант,
ни греха и ни гроша,
ни мостов – они дотла –
вот и вся моя душа.

Не бичуй меня с плеча,
я подранок, а не дрянь.
Как я жил? дожди стучали.
Не стреляй.

V

Ночь зацепилась за антенны
домов. Бледнели звезды. Стены
темнели пустотою глаз.
Бледнели звезды. Даже Марс.

Ни дружелюбны, ни враждебны,
дремали в городе деревья.
Ни дружелюбен им, ни враг,
я шел: осуществлял свой шаг.

Дома темнели мне глазами.
Я уходил, тебя оставив
одну. И в зрячем из домов.
Одну, без слов, без слез, без снов.

Я шел, ты тихо умирала.
Был бледен Марс. (Вчера был алым).
Итак, одно – мемориал.
...Я шел. Я тоже умирал.

Я шел, судьбу творил ногами,
сторонник муз и моногамий:
пусть будет все, как сам хотел.
...Деревья спали в темноте.

Ты умирала постепенно –
прости. Я шел, пугая тени,
в слезах, с любовью, вдохновеньем
и божеством. Твоим. Прости мне.

VI

Я не против, я, в общем-то, за
муки-радости, творчества пыл.
Я слова составлял как дизайн.
Составлял, а слова не любил.

Но досада, она, как клеймо
за растяпство.

Ах, Шлиман! Стесав
слой судьбы, мы молчали: не мог
я поверить. Ты – не поняла.

Ты, беспечная, не поняла
и с лихвой отстрадаешь за то,
что мы стали лишь антитела,
что особенно анти, мое.

Я тебя красным сердцем об лед
разбивал – не разбил. Не развил.
Лишь пощечиной что-то печет.
Впрочем, теплится, и – не в крови.

Не в крови, в анемичных слогах
что-то теплится. Лучше добей.
Я слагал, я строки не солгал,
излагая слова – о тебе.

VII ПЕШЕХОД

Как убог и образцов он,
строй фонарный! Аж во сне
строй лупцует мрак свинцовым
светом по спине.

Буду жадно полосуюем
каждый раз у фонаря –
ни в молитвах и ни всуе
чтоб не повторял

имени. На всякий случай,
лик твой замалеван и
переложен, перезвучен
на гортань других.

Ни венчаться, ни прощаться.
Тесны дому твоему
человеческое счастье
и спокойный муж.

Пьян растленьями твоими
кто-то каждый и любой.
Вот такие перегибы.
Вот и вся любовь.

...Вслед тебе пойду, на запад.
Нет, навстречу, на восток.
В лужу звездами искапав,
слепнет небосвод.

Небосвод весь в мелких ранах
небосвод пожрала моль.
И течет по туче драной
лунное бельмо.

VIII

Кто-то, как Лир, бродит,
кто-то в окне шторку,
тот уже весь бодрый,
кто-то еще что-то.

Кто-то – ее! – любит:
шерсть и восторг бычий.
Собственно, се – люди.
То есть, ее добыча.

Будь хоть пульсар – четко!
(Ибо оно сбоку).
...Что это, тир черта
или же перст Бога?

Что он там с ней, кто-то?
Кто там еще первый?
...Да, мне – мое: контур!
Или убей нервы.

Или воздай плату:
Давший дышать, иже
Давший держать пламень,
дай же теперь выжить.

IX

Мне только тронуть: Сгинь!
– Сгинешь. Не в небеса.
...Бросить и не просить.
(Я ли да не бросал).

Жизни начало? зла?
– Гнать. Ну, хотя бы, гнуть.
У, ядовитый знак.
Роза острая, у.

Жесть. Стрелонепро- мишень,
духа двуличный дом
– только – глаголом сжечь,
чтобы смахнуть потом.

В дебрях моих зеркал
быль пирамид – в глаза.
Заблудь, идя на закат
и нефертись назад.

Тутмос? Ваятель? Чей?
Твой на постелях вой,
сон на каком плече?
Все. И ни слова о.

О, как рыдает бес!
(Я ли да не хлестал).
Нет греха на тебе,
Ибо и нет креста.

Ниц: от греха избавлял
меня. А меня ли?
Карма: корма корабля.
И – не меняю.

Х

В комнатах не различимы
белые ночи.
Кассандра, коснешься ключиц
и не пророчишь.

Перья от трепетных взмахов
ими, крылами.
Мудрая тварь, Андромаха,
и не рыдаешь.

Осью проколот наш глобус.
В трупиках буден –
ты победитель. Никто вас,
странных, не судит.

Что эти нимбы Сатурна
в Солнце остылом?
...Узник бежавший, вокруг-то
только пустыня.

Узнику негде и негде.

Оковы рифм,
звездное небо и некий
закон внутри.

XI

В стеклянное окно – позвоню в окно.
Кто там? (и, действительно, кто? Я не знаю).
Твой мечтательный принц, или заблудившийся гном,
или: гуси-лебеди листву листают.

Я твои семь братьев. Сестрица, не молчи так.
Помаша, что ли, туда, серебряной стае.
Из живых, видишь, только вода
в этой стране Мнемос. И прибывает.

Этот город (Мемфис) – город сфинксов. Не лиц.
А вот это река Минус. Антураж мнимый.
Это – книга мертвых. Книга на сто страниц.
...Старые-старые страниц старания. Мифы.

Не возвратиться дважды. Теперь уничтожь
или храни с нежностью, как почерк синий.
Возможно, мы родились не вовремя, ну что ж –
ну что ж, возможно. И на том спасибо.

XII

Со слезой трижды наши шансы,
Я не злой, но не приближайся.

В мире муть и дождем по кровле.
Никому я еще ни крохи.

Никому. И тебе ни грамма.
В нимбе мук не ищи награды.

Мне в груди серебро ли, иней –
не входи. Не входи, погибнешь.

Не со зла. А страданье – статус.
Осознал... То есть отрекаюсь.

Тридцать три, кто любил, тот мертвый,
Не смотри же, сказал. Замерзнешь.

Ты да я – этот знак страданья!
Милая, что мои старанья?

Верно, что ни своим, ни вашим.
Перешел Рубикон, а дальше?

Дальше вот: где свои? где эти?
Да живет моя песня-лебедь!

...Да, жива моя лебедь-песня.
Тяжела голова, как перстень.

И мотив – от Луки? от Рока?
Отойди. Обойди, не трогай.

XIII

Тот, другой, античный, все критяне чуточку Вот и я тебя, обманул от пальцев	изрек: лгут. мой зверек, до губ.
Труд мой для игры – Всякий смертный чуточку Я страницы строк обманул, теперь	полистай. шут. (просто так) подпишу.
Обманул, теперь Не страницы слез я страницы страсти про тебя, которая	не дожить. про тебя, сложил блядь.
Проводи меня Не тебя, я мир на полжизни из на любовь, всего	и не мсти. обманул тридцати, на одну.

XIV

Да ты ли явилась через столько лет,
мой гений? нечистая? мимолетный бред?
По моим эскизам – твое лицо.
Не сон ли?.. Я допускаю, сон.

Зрачки в мольбах, в поцелуях рот.
Такой явилась. И осталось строк
две тысячи. От тебя. И все.
Не мне
не пригубить
не твой висок.

На вздох и на ощупь, то есть: была.
В ту осень твой мрамор в руке пылал.
Помнится, очень устал – творил.
Итак, в эту осень уста твои...

о, провожать взмахом ресниц
почти покорных: прощай, приснись.
Ходить совместно с дождями и
баюкать Дюймовочкой в ритмах своих.

А все, как всегда – на круги. И год
грядущий будет похож на тот.
Исполнится осень. Лишь один маршрут
уже – и во веки – не совершу.

XV

Тени порхают в тени портала;
мифы мои перемешаны с греками.
Я тебе нить, а ты порвала.
Кто бы оплакал тебя. Да некому.

Кто бы вернулся. Тебе – не в силах.
Сам, как сова, словно Солон умный,
я и словам придумал синтез,
но от тоски его придумал.

Был я волшебник, теперь выбыл.
Был я богат, что цари Лидии.
...Редкая птица, даю на выбор
семь ветров и небо. И глаза б не видели.

Лимфу твою и кожу с сосками
я у богов забрал... Что же,
путь тебе (Галатея) – в камень.
Глупая птица, в стекло бьешься.

Был тебе ангел, а ты – крови!
Был тебе кровь, а тебе снилось...
Пусть у меня никого кроме,
но (Эвридика) ступай с миром.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XVI

Стоял, улыбался. А море, как море –
на три горизонта. И этот прибой
уже не лизнет, не достанет, не сможет:
оставил свой мостик ваш беглый Рембо.

Стоял. На ботфортах кристаллики соли.
И где-то там – мачты, такие мои.
Не сопротивлялся, я знаю простое:
так было, есть, будет. Erat, est, fuit.

Стоял, улыбался. Они иссякали
на краешке неба, мои корабли.
О нет, не пропали, остались стихами.
Стали стихами – лишь.

XVII

Слушая вас, я
не говорю «нет»;
вам этот мир яд.
Ямб этот мир мне.

Чей артистизм – верх?
Чей выйдет нрав прав?
Вам вся цена грех.
Мне ж ремесло крах.

Вычеркнуть вас из:
что ваша жизнь без
строф, без моих? Жизнь?
Мне ж и строфа – жест.

Так, до корней весь
ваш миллион раз,
не снизойду: мечь.
Кровь – не моя масть.

Мне, чье лицо лед,
(я из других каст):
вслух не пролить слез,
боготворить вас!

XVIII

Я к тебе прикасался красиво –
как знаток к драгоценным металлам.
Ты в ответ трепетала осиной,
бедной бабочкой ты трепетала –

так беспомощно. Все-таки, кто же
сумасброд-победитель? кто пленник?
Я платил вдохновенно, – о Боже! –
припадая к смиренным коленям.

Это тело – в деталях и в целом –
я ценил. И, увы, не боюсь –
не боюсь потерять, Цирцея.
Я спокоен в смертельном бою.

Да простит мне изящные эти
аналогии мой аналитик.
Я смотрел на тебя – как эстетик,
я играл в иероглифы литер.

Я в лицо целовал. (А цена-то?).
А цена – симметричные цифры.
Отцветет и венец, и цитаты –
до последнего эритроцита.

XIX АНТОНИЙ

Все в этом мире – умирать.
Глаголы – мой триумвират.
Ни знака не призвать обрат-
но, ни тебя, мой блеск.

Любовь отождествляла нас.
Точнее, страсть. Но эта связь
не идиллична: кровь да грязь.
Нормально, грязь да кровь.

Ведь это жизнь. И я – твой Марк,
маратель девственных бумаг,
стилистика моя тюрьма,
чернила мой итог.

Смотри же, фараонка, вот
он, многовесельный мой флот,
ревет, качается на вод-
ах, только без меня.

Не победитель. Поздно. Дым.
Взойду лишь точками над «и».
Я пью твой яд – жемчудный яд! –
до буквы. Э-Ю-Я.

XXI (РОМУЛ АВГУСТУЛ)

Снова – буквы о тебе.
Но не будет откровенных.
Снова осень, и теперь
я один в своей Равенне.

Жду, мой пунктуальный Брут,
жду, без панциря под тогой,
теплокровен и упруг.
Вот спина моя, опробуй.

Можешь сердце – пополам.
Что ж, заказывай свой праздник,
я плачу. Потом не плачь,
мой палач зеленоглазый.

Исцелившею рукой,
исцелованной не мною,
(о, последний твой укол!)
ты глаза мои закроешь.

И – владей числом монет,
там лицо мое, с обратной.
Я – в империи моей –
ваш покорный император.

XXII

Я вас любил. Я вас страдал.
Любовь, быть может, – никогда.
Вы мне мечта в течение дат,
моя ахиллова пята.

Мое отчаянье и бред,
неуловимый тонкий грех,
мой брат по чреву, милый Рем,
пульсация моя, хорей.

Я вас пророчил, трижды слеп.
Вы мне, незрячему, – рассвет,
тщета бумаги, горький хлеб,
через ладонь угрюмый след.

Я вас посмел. Кто мог бы сметь
так искренне и нежно? Ведь
я вас любил. Дай бог вам впредь
большое счастье. Или смерть.

XXIII

Я твой Тутмос. Ты – лицо.
Гипс. Мутант нелепой масти:
фараонский абрис,

но
кровь вандаловых династий.

Ты мятеж. Но злой, распутный.
Шепчет месть тебе на ухо
иезуитских институтов
изуверскую науку.

Ты расчет, надежный стиль.
Ты денарий в крепких пальцах.
Я – с Хароном через Стикс,
ты – с войсками через Альпы.

Я ж с резцом! а ты с кнутом –
наш удар неодинаков.
Ты денарий,
я – не тот.
Дайте кесарю денарий.

Мне – укор, рубцы от слов,
тремор рук по желтой арфе,
сон из века в век.
Лицо.
Пища для моих метафор.

У тебя слепой мирок.
У меня лишь холст и спектр.
У тебя притон и трон.
Ты Нерон,
я твой Сенека.

XXIV

Ни наяву, тем более
чернилами в ночах
тебе своих любвей,
любвей не сообщал!

Я расчищал построчно
сокровище мое.
Я сочинял источник
народов и времен.

Лицо мое, мой имидж
из ласк и зла.

Без лат
твой минимум – твой милый
(твой мнимый Менелай).

Ах диво Диомеда
копыт и колесниц!
Ах дева с телом медным!
Ах имена страниц...

Бесследно ли ослепнуть,
иль затравить коней –
идиллии нам нету.
Нет Илиады мне.

XXV

Пульс венозный, неясен слог,
развезло мой рассудок. Я,
Одиссей, не твое весло,
я на меч животом, Аякс.

Выбираешь ли вновь январь,
выбираешь ли – в рот наган,
карту, каторгу, киноварь...
Все составитя по слогам.

Отшлифуй нашу жизнь для книг,
приумножь их число на ноль,
ты уже не вернешься к ним.
Слышишь, странствующий, ни к одной.

Или тихий умнейший холст –
плачь, Горгона, слезой, как сталь,
как умеешь, но где тот гость?
Для кого он искрит, кристалл?

Сотвори в капителях Рим.
Разорим. На холмах пестрота...
Только музыка, говоришь?
Но и музыка – без следа.

XXVI

Уст не поднимет крик:	спасите...
Вам, в мои тридцать три,	спасибо.
Каким отблагодарить	кристаллом?
Мне, в мои тридцать три	осталось
сердце из нежных кож	и нитей,
сердце последнее. Что ж,	берите.
Сердце взошло в зенит!	В зените –
возьмите. Пока звенит,	возьмите.
В пол-оборота, как	визитку
возьмите его. За так	возьмите.
Редкостный экземпляр	кунсткамер!
Возьмите эффекта для –	кусками.
Смотрите, оно взошло	лишь только:
розовое, без швов!	И чтобы
легче мне и полет,	и падать –
возьмите сердце мое.	На память.

XXVII ГАМЛЕТ

Мимо – минутный вздох.
Быть... Как спешит песок
гамлетов, даний...
Снег, и уже – не снег,
на каучук-ноге
дым одуванов.
С глаз сестерций. Куми.
...Как меж собой (и ни
с кем) не похожи.
Вот твой библейский брат,
блудная дочь.

Брела
скверной походкой.
Разве не дорожил
над пропастью во ржи
между ладоней?
Пальцев не прикасал!
Так и затих. Не сам –
смерть, заколдован.
Нет слезы на устах.
Крыльями обрастал
верно и тяжело.
Было долго. Никто
не постучал в окно
мерзлой костяшкой.
Вот, из страны теней –
и не спасать, о нет.
Точка. И точно:
только пропасть. Как мысль.
Ибо проклятье – мы
по одиночке.

XXVIII

Крепко рифмы проделывал
(не бездействовал), и –
мировые владения:
мой ритмический мир!

Перегрыз узел гордиев,
смастерил два крыла,
правил скипетром в городе –
до крови не карал.

Диктовал, одиссействовал,
минотавров ломал...
Где ты, bestия, бедствие,
человек-Телемах?

Не злодей с демос-массою,
– кто б осмелился! – сам
в брызги пряжкой алмазною
исцарапал глаза.

Проведи! В этом городе
каждый Каин знаком.
Я – Эдип. Антигона где?
Нету мне антигон.

Все кочует, все странствует,
в чьем ночует тепле?
По клочку – мое царствие.
Вот и царствуй теперь.

XXIX АНТИНОЙ

О Крон! О небо!	О рифмы в ряд!
Дрянь, королева,	ваш краковяк.
Под топот: «Братцы!	Раздень, распни!
Разделим царство,	царицу, спирт!»
живу, рисую –	лишь вас, лишь ТУ.
Кто не рискует,	неважный шут.
Кто я? Я – ликтор,	блжститель лиц;
ценитель линий.	Целитель ли?
Да, я дель Сарто	(и Сартр, да),
любви – сенатор	и санитар,
сатир концертов	и Цербер-пес...
Конец концепций.	А тезис прост:
кто жив, пусть грезит!	Гарсон и Крез!..
Дразнить над бездной – о смех и крест.	

XXX ГЕРОСТРАТ

В этом мире никаких чудес,
ни в Голикарнасе, ни в Эфесе.
Этот мир вполне приемлем без
украшений творческого блеска.

Пусть живая, в складочках одежд,
Девочка-дитя дудит свирелью.
...Пифия! сестра простых надежд,
обещай, что хочешь. Я поверю.

Пусть птенцы щебечут поутру.
Даже так. Ни мало и ни много.
...Человек, я мудро говорю:
труд земных усилий – для земного.

Труд, терпенье сердца, соль и хлеб.
Лишь Парнас не тот. Но не раскаюсь.
Да, артист. А вы, который плебс,
поклоняйтесь божеству из камня.

Да – поэт арены. У меня
жесткие воинственные ритмы.
...Плебс не знает, как я обнимал
трепетные ноги Артемиды...

Наш Парнас – прекрасная гора.
Музыку смертей играем!.. Ладно.
Просто показалось. Догорай
голубым огнем, моя Эллада.

XXXI

Так и стою. На ботфортах кристаллики.
Вдох — выдох — вдох.
Ах, как бы славно мы в сплаве блистали бы!
И — вот итог.
Так и стою: без страстей, но со стансами —
нет, не врагу.
Я вам признателен, ибо остался мне
крем ваших губ.
Я преклонен. Я целую сандалии —
так, ни за грош.
И остаюсь. Где-то там. Как сказали бы,
жил- был. Ну что ж,
вам выбирать направленье мизинчиком,
норд или зюйд.
Я вам прощу безразличье на личике,
но не слезу!
Вам выбирать. С обаятельным пальчиком
Вы ко- миссар.
Но, моя нежная, не поворачивать,
вен не кусать.
Ваши кораблики, пена колечками...
Пусть вам успех.
Я остаюсь перед ветром и вечностью:
пульс на виске.

ЧАСТЬ ТРИ

XXXII АЛЬФА И ОМЕГА

А был ведь горек день её.
Жалел змею. **Ий**, как лобзала!
Могла – ночь оргии пройдет –
рыдать слезами тут, **у** фала.
Хвалилась центом, чуть шутя.
Щадил **ы** этот юмор **я**.

XXXIII (РАЗ)

Жив.	Лас-	Где-
Вот –	ки!	то
жи-	Рас-	день
вот,	кис.	тот?
вот	...О:	Но
грудь –	дно	сей –
вот-	од-	нон-
кнуть	но.	сенс.
дать	Сто	Миф
нож?	Лет	мы,
Да,	в зо-	мни-
но	ле.	мы.
где	Ме-	И
та	даль	он,
дет-	мне	мир
ка?	дай,	мой.
Те-	ор-	Сли-
бя	ден	зну
в те-	о-	сле-
мя,	день –	зу:
в ус-	нуль.	ты –
та	Ноль.	яд,
ку-	Нуд-	дым –
сал.	но.	я.

XXXIV (РАЗ-ДВА)

Что я
любил?
– Свой ямб
творил.
Меня
питал
не ямб.
Он – так.
Я был
не свой,
любил
не слог.
Любил
мечту?
– Нет. Был
не тут.
С листвою
дружил
(не свой,
но – жил);
свеча
нежна...
Свой час
не ждал!
Свой стих
искал?
Свой Стикс?
Как знать.
...Взгляни,
ты – жил.
И ни
ду-
ши.

XXXV (РАЗ-ДВА-ТРИ)

Стих остыл.
Муз нет, слов.
Что ты с ним,
агрессор?

Есть мне ритм.
Стих мой – где?
Говори,
ты, стратег.

...Тик-так. Час...
Что сей стих?
Отвечай,
ты, тактик.

Не гадал.
Все знал сам –
знал всегда,
где зигзаг.

...Тик-так – год.
Жизнь: тик-так...
Ни-
че-
го,
ни черта.

Забуть – пусть –
уст изыск.
(Лишь стих пуст.
Фор-ма-лизм).

Мне без уст –
так, пустяк.
Так что ж – пусть.
Что ж, пусть – так.

XXXVI

По словечку, а вот отмечтал
страсть.
Отсчитал свою тысячу дней
сверх.
О прекрасная наша чета!
Так,
изощреннее нет, холодной
нет.

Не люби меня в сердце-замок,
в грудь.
Не касайся и пальцами уст
мне.
Не целуй мне ладони за мой
труд:
рано-поздно в саду тихих муз
суд.

Этот сад плодovit, но не сад –
сон.
Там сирена с лицом. Больше ни-
кто.
Рано-поздно свершается за-
кон:
мне и крови внутри и чернил
грамм.

До свиданья совсем поутру.
Там,
за деревьями крупно растет
вширь
золотой или плазменный круг.
И
это все, милый друг. Это все,
друг.

XXXVII ДОРИАН

Азбука палитр. (Мир – палитра
от Парнаса и до Олимпа),
Братство Белых Лир наше братство.
Только до земли – не добраться.

С этой высоты мир с ладошку.
Крошка, даже ты понарошку.
Нам из этих бездн? О, не просто.
Поздно вниз, к тебе. Право, поздно.

И невагоду дальше рамы.
Тут не прорастут даже травы.
Азбука палитр! (То есть – плетью).
Где наш птичий клин?
Эти утекли
реки. Только ли эти?

XXXVIII

Опустите шторы, флаги
Прилетит полночный ангел
и над девочкой склонится.
процитирует страницы
Кудри медными клубами
он прохладными губами
кто грустит? кому не спится?
опусти, дитя, ресницы,
Полетим, дитя, по миру
Баю-бай, не надо, милая,
Паруса, принцессы, принцы...
Пусть, дитя, тебе приснится
Там мелодии – как мидии –
Ничего-то ведь не выйдет
Ах, участники за счастьем,
Сколько тысяч в одночасье
Миру – мир! А он не очень.
смертным – смерть, осинам – осень.
Баю-баю, что поделатъ,
Вот и листья полетели

до утра.
– весь в кудрях –
А потом
шепотом.
у него,
тронет лоб:
не грусти,
опусти.
облаком.
о плохом.
В добрый путь.
что-нибудь.
плывут...
наяву.
полигон.
полегло.
Маю – май,
Засыпай.
девочка моя.
за моря.

XXXIX ВЕНОК

Стихотворящая ночь – и что ей? –
возле рам,
мутная, ходит.

Капитулирую белой шторкой
перед сумерком там,
напротив.

Противоядом – на сон обреченному –
к изголовью,
но не божишься.

Будем же быть, заплутать в два счета
где-то после
и не при жизни.

Не приживешься, совсем не можешь.
Безгнездовая,
все погибель?

Вот раскрываю – гляди – ладошку,
и попутного,
и под килем,

к милым картинам, где листья узорные
в мир объятия
распростерли.

Перезимуешь ли тихо по зернышку,
как-то, хворая,
прорастешь ли?

Произрастешь ли бледным по темному,
тонкой точечкой
взмах рукою,

четверостишьями, мертворожденными
в ночь с того числа
на другое.

XL

Хлад не милей милосердий любовных.
Смертные дети,
ходим без скорби.
Стоики мыслей, под небом – мы знаем –
самых трагедий
нет ну нисколько.

Так возжелали, чего не бывает.
Мира? И даже
нет, не покоя.
Во временах заблудились. Устали.
В этом не нашем
кто мы такое?

Киники целей – и каждый о разном –
жить не тужили,
вдаль не гадали.
Как нам вернуться к холмам этим синим?
О Перуджино,
ах Гирландайо.

Вот и прекрасно. И вот нам осталось:
дикие эти
лилии или
линии ливней в краю кватроченто...
Что мы на свете?
В чем провинились?

XLI

В атмосфере прижился Ангел:
крылья сизые, рыжий локон,
тога белая – божий агнец.
Так и ходит один одинокий.

Из тумана выводит оды,
и туман под ногой – как ягель,
сочиняет из ветра ноты,
сочиняет и сочиняет.

Так и ходит. И что? Что дальше?
Что ж как маятник? Что за птица?
Эти звуки – ни звука фальши! –
и забыть бы. Да не забыться.

Отойди. Нам не надо песен.
Погляди нам на пальцы, видишь,
на руках, под ногами – пепел.
Вот и все. Никому не выжить.

Догораем – игра на грани.
Балансируем – лист осины.
Отойди. Твоя лира с краю,
твой талант не имеет силы.

Мы читали стальные знаки.
Вот и все. Кто куда, кто к черту.
Белый Ангел, ведь ты не с нами
в этот день, словно знамя, черный.

Белый Ангел, послушай, если
нам живой не осталось влаги,
для чего сочиняешь песни?
Для кого сочиняешь, Ангел?

XLII ОРФЕЙ

...на цыпочках в струну
тянись-не-дотянуть.

Мы флейта буквой У,
двурукий инструмент.

Я умолял: «Аид!»,
но ваши мифы лгут –
он только слезы лил
над музыкой моей.

...что, фрейлина-фарфор,
власами прозвенеть,
меандром по листве
вспорхнет ли твой хитон,
вот время – глина форм,
а в жизни только смерть.

Не обернулся. Правда. Но –
кто там? Никто.

...кто мраморной стопой
над травами летит,
растенья и свирель,
дыханье, поцелуй.

Ведь это мы с тобой,
и все-таки один.

Вот Фракия. Бродил.

Считаю тридцать лун.

...за то, что не манил
меня простой престиж,
за то, что в этот мир
я вместо плети – песнь,
за то, что этот мир
я понял и простил –

тебя, все верно, не обрести
ни там, ни здесь.

XLIII ФРАНЧЕСКО

Для утех твое лицо понимал его, еще – Я чертил его пером Но когда-то и оно,	не крал, берег, сто крат, перо.
--	--

Но сказал, пока перо в склянках есть еще для нас Не сумеет растащить – совершенное – твое	живет, песок. жулье лицо
--	-----------------------------------

Бог судья тебе. А мне остается ремесло И не важно кто, но был и не важно чей, но пел	одно: от нас. канон, пегас!
---	--------------------------------------

Вы, Создатель, помоги что давал и наяву то лицо, в котором – и нашей молодости вечно	создать, любить, как знать, – быть!
---	--

XLIV

Видишь, виденья и те не цветут
в мире дождей.
Ходишь и ходишь. Но где-то не тут,
где-то нигде.

Сны опустели и мысли просты.
Что же ты, умник?
Ходишь, а может быть, ты и не ты?
Может, ты умер?

Вроде бы ходишь туда. И сюда
вроде бы ходишь.
Ходишь, а в доме твоём ни следа
где твоя Клодия?

В доме твоём не отыщешь никак
и огонька.
Значит, ты умер в системе дождей –
нет тебя здесь.
Вот ты и умер. Все тихо в груди.
Где же мотив?
...В доме твоём по карнизу вода:
та-та-та-та.

XLV ФЕНИКС

Я ли не служил – редким голосом,
добросовестным, дивным фокусом:
пепел, и опять – перья стеблями...
Столько раз пылать (пиротехника!).
Столько – от и до трубчатой кости.
А теперь устал. Дева, отпусти.
Отпусти хоть так: теменем в арык;
мне что Арарат, что Тартарары.
Два крыла и все. Ни гнезда, ни звезд.
Что туда норд-вест, что сюда зюйд-ост,
розовый рассвет, темень синяя –
деться некуда. Отпусти меня,
птаху мирную с тихим личиком,
к черту лысому на куличики,
к вашей матери – слышь, хорошая, –
отпусти меня, птаху божую,
птаху смертную (смертный, как и все).
Отпусти меня насовсем.

XLVI АИД – ОРФЕЮ

Что ты отыщешь в краю теней?
Тень и отыщешь, Орфей. Раз так,
что остается тебе теперь?
Все, что имеешь – успеть раздать.

Уж над страной веселится смерч,
уже пустует Олимп, уже
совсем натянут дамоклов меч,
вакханкам уже – не вина, а жертв.

Ты на алтарь возложи любовь.
Вынь ее пальцами и возложи.
Видишь? – любовь это только боль.
Видишь, и смерть не страшней, чем жизнь.

XLVII

Перестанем в литавры, мой траурный Биг	Бен.
Мы умели свое методичное: бим -	бом.
Мы с тобою два стойка. Стоит ли в крик?	в бег?
Мы оплакали женщину жизни, и – ми-	мо.

Безымянный ли, с нимбом ли – мимо. И так	тут
можно возгласы мужества, можно бесслез-	но.
Поцелуй свою цепь, помолись, как цита-	ту
...ваш рисунок ресниц, ваши ласки волос.	Но

ваши ласки состарились – бесы да го-	ды.
Вы, красивая, дар износили свой. И	я
вас, тебя, человека, не проклял, ведь кто	ты?
мячик мальчика, пальчик от компаса: инь,	ян.

Я судьбу разбирал, словно бусы. (Не бой-	ся).
Я исследовал свет, вывел следствия: тень,	тон.
Изучил, что назначено: где ты? – любой	взял.
Не найти. А наитие – литерам: тем,	кто.

Помоги хоть погибнуть: колыхнется сле-	ва
лепесток ремесла... Я ведь злобы не сде-	лал!
...Ах ты горе мое, эти контуры те-	ла,
только дева, всего только ты, только те-	ма.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРЕ

XLVIII ПАЛИНДРОМ, КЛОДИЯ

На – плакал пан, –
утро ко рту.
Лакал.
Лед ел.
О, пел слепо;
то в лады рыдал вот,
то хохот.
Массам –
хит-стих,
литстиль.
Я нем. Меня,
ода, не надо.
А до-ре-ми – химер ода,
о мим. Жарим мираж. Мимо –
зори роз
и елок колеи.
Диво-вид.
Я – око покоя.
...Но мотор о том он:
и нет и тени.
Дано: мир. А парим. (О! Над!
Полет тел – оп!)
А Тартара трата?
А нора Харона?
Карма – мрак.
Урон! ору.
Тебе – щебет.
О-хо-хо,
нам б обман –
конус и рисунок.
(А нули и луна –
шанс наш).

XLIX

С яблонь, с плеч ли – недалече катит камень.
Время, ворон, вихрь враждебный, все – над нами.
Вечер поздний, ветер, осень, все – навеки.
Небо – мглой, в окошко – путник. Или ветка.
Крыша-шифер, сено – в хлев. Ушла старуха,
где-то пьет сама с собой, одна, со скуки.
Был наш час – и бил до смерти! – час апорий:
только волка вопль, ни воина на поле,
хриплый хор химер. О мир мой эфемерный.
...Так покорна. Да, похоже. Но – не верю:
злая выдумка, ухмыл, дамоклов узел,
залов узница моих музейных, муза
длинных дней, мольба мольберта и – не праздник.
Гретхен грешников, Пегас мой, суть троянский.

L

Да, хожу, пальцем щупаю следы.
Так скажу: миллион, а все не ты.
Тыщи тел в транспорте, на площадях...
Ты-то где? Где и с кем, пропадающая?

Потеряв, остается не жалеть.
Вроде, зря ходишь где-то на шаре –
далека. Дальше самых мутных лиц.
Только па- мять – моя! Мой – белый лист!

...Молода: губы-гибель. Боже мой.
Мало дат. Мало в прошлом даже. Но
на шаре – он, громадный, для коррид –
наше вре- мя как щепочка горит.

Не лета- ю во сне и никуда.
Я и так в этих соснах заплутал;
реже ды- шу в миру и над строкой...
Где же ты, отщепенец дорогой.

LI

Потому что разум – не руки-крылья,
потому что сердце мотор минорный,
потому сплетенное или-или
решаешь (решай), и решить не можешь.

Потому что мы рождены и только.
А сказку былью уже не хотелось.
Не хотелось, и все. Никогда, нисколько.
Вот и ты, моя общая, всего лишь тело.

Потому что ты человекоженщина,
потому что уже и терять не больно,
потому что и вспомнить ровным счетом нечего,
потому ровным счетом ничего не помню.

ЛII

Утро-ультрамарин.
Оранжевое окно.
Кажется: скрип-скрип,
скрип-скрип. И никого.

И никого там,
и никого тут.
Можно смотреть вдаль,
в синюю темноту.

...Да, имел все,
от единицы до...
Был у меня сон.
А наяву – дом.

Там наяву – снег,
тут наяву – соль,
стол наяву, хлеб.
Неинтересно.

Выжил – и не грусти.
Дело обычное – страсть.
(Девять из десяти,
девяносто восемь из ста).

...Сон был у меня
только что. Только – что?
Поздно теперь умирать:
утро. И хорошо.

Существовал! во сне.
Как говорил Декарт,
в этом сомнений нет.
А наяву – декабрь.

А наяву любви
ни на один ярд.
Всякая явь – тупик.
Как говорил я.

LIII

Встань и ходи.	Вот и хожу:	пусто.
Сам господин	в теле своем –	пульса.
Время собрать?	Я соберу	камни.
Верно, брат,	Спарта моя	с краю
Бедный мой бес,	я не спасу.	Лично
мне теперь без-	мне теперь раз-	лично.
Мнимый порыв:	кровь и любовь,	чары!
Мы не рабы,	ты не мое	чадо.
Так, не мое.	Если еще	правду,
был мне полет,	был мне утрат	траур.
Гордый, как смерть,	я говорю	ниже:
горестно мне.	Горестно мне,	слышишь.

Разменял до метафор и	шлю вам.
Вам, несчастная девушка,	шлю- ха.
Столько слов до копеечки.	Пусть. Но
я уже не умею вам –	уст- но.
Я уже не умею и	кро- ме...
Кто вернет по артериям	кровь мне?
Для меня ведь что «охра», что	«о- сень».
...Возвратите декартовы	о- си.
Я как парус, все дальше и	даль- ше
от земли хоть какой-нибудь.	Да- же
и от вас, бедный друг. Только	друг ли?
...Возвратите мне золото –	в куд- ри.
Возвратите! Меняю на	муд- рость
лучик солнечный солнечным	ут- ром.
Ни века, ни музей, ни в	грани- те,
а секунды, секунды	верни- те!
Не огромное «завтра» –	«сего- дня»!
То есть жизнь возвратите.	Всего- то.

LV

Все реже, реже
слеза чернильниц,
все проще нежность
твоих гостиниц.

Мой храм – разрушен:
не режем вены.
Все реже ужас,
обыкновенней.

Мой молот – слева.
Ты – серп да пуля,
живот (Бердслея!)
для поцелуя,

скакун без боли,
мой кровь на фартук,
любовь да бойня,
сертификатка.

Дорогой скатерть,
мой бедный флагман.
И штамп в посткарте.
И весь пост фактум.

LVI

Листья, что так бежали, кричали так,
листья, не успевшие никуда,
осень, проржавевшая до кости...
Сердце откуковало. Чего просить?

Слушай, вы, двуногая без крыла,
кто б вам ладонью веки ни закрывал,
«Будешь» – чуть слышно. И чтоб была,
поздний приемш моих бумаг.

Неба падщерь, падшая до земли,
гений импровизаций, то есть любви
с крахом (на креслах авто) челок, чулок.
Просто: обессмертить тебя числом

строчек, логикой охр и сиен.
Сволочь моя теплая, глас сирен,
птах, неопознанный до ногтей,
дух, не отбивший свое «нигде».

Вот, я не твой жених, ты ничья жена.
Больше, как будто, нечего пожелать.
Полночь шептала что-то, да на корню.
Полно, чернильной капли не пророню.

LVII

Гость прошлогодний, куда ни кинь,
прошлогодний.
Вот он, стою. Не кусай коготки,
я же спокоен.

Видишь, спокоен: в наследство кому
ваше тело?
Кто злой судьбы не вкушал с ваших губ?
Павших – темень.

Над алкогольной, бредовой лишь кто
не ругался?
Кто обладал вашим розовым ртом?
...Улыбайся,

о, улыбайтесь, любимая, что ж,
тело ваше.
...Будет на завтрашний долго похож
день вчерашний.

Будешь тревожно, израненный клюв:
тошно! горе!
Но не моли меня. Я – не молю,
прошлогодний.

С лунного неба не прилечу
поздней ночью,
не поцелую тебя ничуть
в позвоночник,

волосы не обниму, не скажу:
с новой жизнью.
Глянешь за стекла – не то, что бы жуть, –
снег ложится.

Вот он, стою. И ни тени тепла,
не реальный –
мемориальный... Не трогай, не плачь
мне на раны.

LVIII

Говоришь, они прошли как тени,
не коснувшись твоего огня?
После стольких доз то с тем, то с теми
римского растленья – кто б обнял?

Кто тебя, паскуда, пожалел бы?
Как Катулл, как бледную, как кто?
Ну кричи, волчонок, мне в жилетку,
капай пеплом в розовый капрон.

Говоришь, – ну, говори – в последний,
что не сможешь, – верю – что всегда
я один, и никого мне следом.
Так, девчонка, непременно так.

Раздеваешь пьяные коленки,
полон влаги перламутный взгляд,
рот фиаловый, который слепо
ищет жить. Финита ля. Ля-ля.

Как сосочки терзанные рдеют!
Стоны в голос! (Детка, повтори?) ...
Каюсь, я тебя в корыстных целях:
в кровь для плодотворчества. Для рифм.

LIX

Одна, без племени, детенок под стеклом,
ты в мире не любила. А тебя
всё отроки. Безнравственная, той,
безнравственной, тебе моя тетрадь.

Тебе, которая до дев бесстыжих, той,
которая ничто не помнит бред –
катулловы рыдания и восторг.
Я твой, плебейка, преклонен-мудрец.

Тебе, которая надменство, – свыше цен
мой голос-пафос. И нисколько – кровь.
Я только писарь твой. Но сей венец –
к твоим стопам, к твоим – мое перо.

LX Я – ИДОЛ, КЛОДИЯ

Он, женщина, нищ нежно,
болеет ее лоб.
Ее иго, ноги ее,
соло волос,
охи. Тихо –
нот стон,
лепет. Тепел
пуп.

Юна тонко! Сосок – нота ню.
В торс укус, рот в
бугор – о! – губ
лазил, лизал.
Палец ела, п!...
Еще?
Жар аж.
Арт-сестра.
Не жена. Нежен –
дал суд услад.
Я танец ее? Мееценат я?
Нет, но Монтень.
Бой арене, Венера.
Не дам оргии. Громаден
комок.
Я рев зверя
и вор крови,
цени. В свинец
коси висок.
Аминь, апіта,
спи, гипс.

LXI ПИГМАЛИОН

Лобзал ли пальцы целиком
и хрупкие изгибы –
не забывайте: вы – никто.
Я – жизнь или погибель.

Пегас ногастый! Дева-конь!
Не я ли вас содеял?
Не я ли влажным языком
дышал на тело?

Умрите, Кора, – где трава,
и кипарис, и клирос.
О не желаю нежный ваш
клитор.

LXII

Кусок самцам ли, тонким женщинам,
рисунок похотливо черченный,
капризный рот стандарт модерна,
плоть – крах и гений Донателло,
Давид-убивец, бронза! слепки!
дым длинной в пальцах сигареты,
надменный заграничный шелк,
бессвязный шепот, шепот, шок.

По телу вычурно измазав
душистый грех своей помады,
послушница-душа валют,
ты? слезка в голосе? «люблю»?
простой отчаянный поступок,
мое лицо губами в губы,
птенец, озябший в мире, кротость,
чулочек, девочка-эротка.

LXIII

Перо провор-
но: чти чернильный приговор.

Итак, внимай.
Я расставляю имена.

Ты – трепещи!
Не напрягай свой бледный щит.

Он, щит, смешон.
Я грозно – во! – вооружен:

вот – литера,
мой преторьянец-ветеран,

а вот сам я,
чье имя – вся судьба твоя.

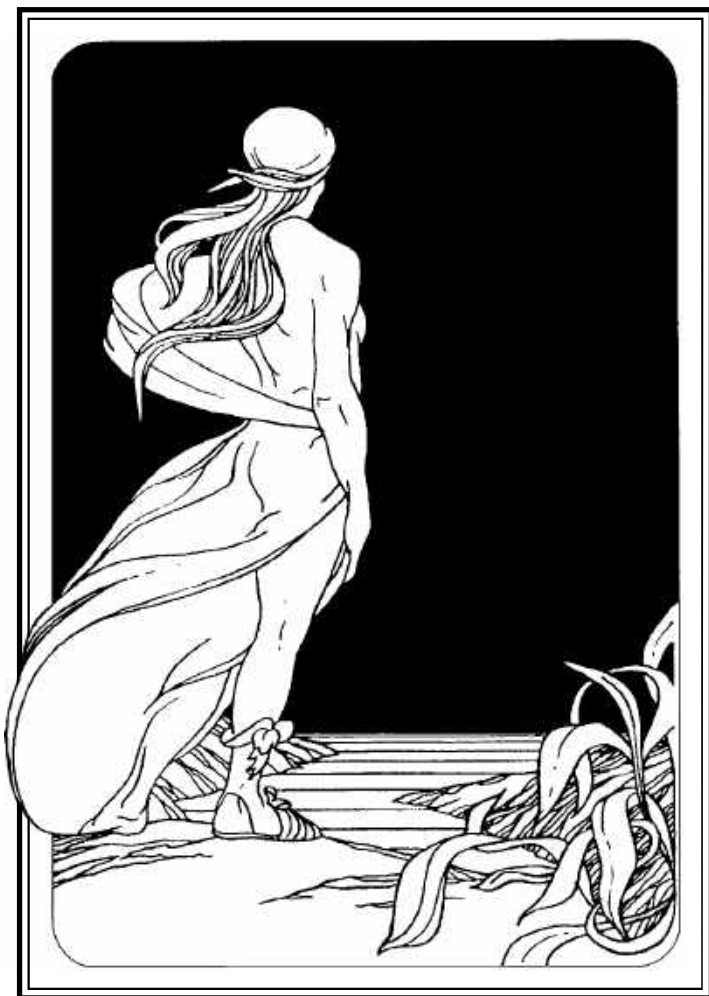
Твой поцелуй,
сих уст мерцанье по лицу,

уйми. Не мне.
Чей пафос воск. Чье чувство смех.

Оставь. Остынь.
Живот мне не лижи. Но ты

храни тот акт,
ту дрожь, чье имя – я. Вот так.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

LXIV

Не уходи, побудь со мною,
моя бесстыдница, плейбой.
Ведь нам осталось так немного.
Что остается нам? Любовь.

Не надо правил, слепо следуй
своим капризам, мой маркиз.
...Мой томик, видишь ли, последний.
Энциклопедия любви. 3-

абуду страхи и секреты,
не буду «о» или «увы»:
уж темень внешняя и скрежет.
А я? мой томик о любви.

Ах, колокольчик и кокотка,
в конце концов лицом в кольцо –
твои проблемы... В рот потрогай
прозрачный контур от сосцов.

Что нам с тобой осталось, кроме
порочных игр? Ничего.
...Как целомудренны порою
уста и прочее чело.

LXV ГИМН

Печаль моя! прекрасен был союз
таких любивших и лобзавших уст.
Я больше не горюю, не горю.
За благо творчеств, что ж, благодарю.

Живи свое. Уже – не обвиняй.
Ты все сама сумела променять
бесценности без смерти и утрат
на вещь обобщественного труда.

Живи вперед. Да будет сталь крепка.
Лишь голосом – забудь – не окликай.
Ты, смелая, сама свою судьбу.
Не окликай же голосом. Забудь.

Не обещаю никакое «ах»,
страдая сердцем сей прискорбный факт.
Идешь, так уходи: куда? к каким?
А мне – глумиться. Верх глумлений –

ГИМН!

LXVI

Я, а рядом дождь.
Я: глаза – могила.
Нас не проведешь
на простой мякине.

Справа-слева – дом.
Ночь уже в движеньи.
Вот виновен кто –
во-о-ображенье.

Не читай имен
компетентных. Разве
сам я не умен?
Ох, умен, зараза.

Если вглубь и вширь,
все тогда цветочки.
Вот что я решил
(я решил, и точка):

сколько потерял,
много или мало –
не было тебя.
Не существовало.

LXVII

По щетине –
слеза.
По щетине. Но взор мой неистов.
Я ведь ясно
сказал,
пристрелите меня, гармониста!
Ах ты конь
цвета роз,
след кровавый, чугунное утро...
С головою
волос,
я, увы, увядаю как будто.
Все пройдет:
мир, май, труд.
Грусть моя! плодо-ягодным! в дым!
...Василек,
да картуз.
Я так мало пожил молодым.
...Да гармонь...
Надо вам,
гады?

Гаммы – к богам. Не играю
Девка, дрянь
number one,
ты как песня!.. Лишь я увядаю.
Ах ты, милый
поток,
эти мелкие верные лица.
Увядаю!
– Никто
ни меня и ни сам застрелился.
Я им окна
побил.
Я шагаю, как сволочь, усталый.
...Я тебя
не любил.
Никогда не любил, чтоб ты знала.

LXVII

Как фонари	спелят!
Тот – на луну	похож.
Я чрезвычайно	пьян.
В кармане тихий	нож.

Настал твой судный	час!
Твой, сука, час	настал.
Уста мои	молчат –
немотствуют	уста.

Вдали и чуть	правей
три фонаря	висят.
Вдали от фо-	нарей
мы распроща- ем-	ся.

Я все запомню	тут:
помаду на	губах,
на юбке пу- гов-	ку,
твой беззащитный	пах.

Еще ты будешь	нить,
а я возьму	чуток –
твой лифчик кро- хот-	ный,
намоченный	чулок.

Я поцелую	в бок,
туда, где ру-	коять.
Прощай, моя	любовь!
Моя багро- ва-	я.

LXIX МОСТ

И в окнах – не горит.
Никто не ходит.
И только фонари.
И дождь по морде.

И черный шар в груди –
посередине.
...Сейчас же! Перейти!
Ну, перейти мне!

Дорогу поперек
и не срастись.
Который? – Возле трех.
Без десяти.

С небес вода валит,
– изыди! цыц! –
а в город корабли –
как мертвецы.

Их сто: эскорт Лилит.
И два глазают –
фонарь (из-под земли)
и дождь (на землю)

...Упасть, упитый в хлам,
и нет важнее
случайного стекла
вот тут, по шее.

Мотнуться, разбросать
кровинок карих.
...Раскрытые глаза
целуйте, капли!

LXX ИЗ ФЕТА

Там человек сгорел. В лесу.
Задела молния за сук –
сосна сгорела. А под ней
был человек. И больше – нет.

Возможно: пьян или во сне,
или повешен на сосне
был сам собой, чтобы уже
не прикасаться и не жечь,

чтоб не плодить на свет детей
таких невинных (и те. де).
Возможно, просто, закурив,
он бросил рядом спичку, и...

Однако, тонкости судьбы:
он поощрен? наказан был?
Жил человек и – раз! – сгорел.
За праведность или за грех?

Он до того о чем мечтал?
Читал ли книги? Не читал?
Он в лес ушел и там исчез.
Осталось что? Остался лес.

Он, человек, сгорел дотла.

Мы любим жить. Ведь мы тела,
не существующие вне
судеб своих,
своих
огней.

LXXI

О чем, моя никчемная, о чем?
Все зачеркнем и от черты начнем?
Свищи теперь в ночи мой четкий челн.
(С твоею ли трепещущей свечой?)

Зачем такая жертвенность, зачем?
Ты, человек, оставь на счет на чей-
нибудь свой незатейливый ночлег.
Ищи меня. И не ищи, точней.

Не обольщайся творчеством. К чему?
Давно ничто не вечно under Moon.
Уж муз лабораторий моему
ни сердцу не осталось, ни уму.

LXXII

Все пройдет (sic transit...)
будни или праздник.
А пока – за то, что дышим –
поблагодарим же.

За снежинок блески,
за смешные слезки;
поблагодарим за то, что
жили суматошно.

За аккорды скорби,
за слова. О, сколько
слов восторженных, прощальных,
или – для молчанья.

...Все пройдет. Ну что же –
сядем, подытожим,
поблагодарим обоих –
то есть нас с тобою –

за идиллию. Как то:
за любовный фактор.
...Просто за игривый ритм –
поблагодарим.

LXXIII SILENTIUM

Мне, толкователю слов,
было: мечталось. Не вспомню, о чем.
Жил, репетировал слог,
слушал по пальцам метрический счет.

Как паутины искрят!
Это последний октябрьский срок
знаки свои выверять,
договорить эти столбики строф,

Мыши мелькают в траве,
небо куда-то течет и течет.
Этот октябрь, поверь,
не для признаний, ни для чего.

Рукописи? – не горят.
Брось, не горят и не греют тел.
Всякий глагол коряв,
всякое имя имеет падеж.

Буква имеет быть.
...Ах лилипутка, и капельки льет.
Легче пера – забыть
имя, которое было твое.

И не взирать назад,
в прах обещания разорвав.
Все изреченное – есть слова,
что бы я ни сказал.

LXXIV

...но творил тебя не из	небес.
Сотворил. Да только tris-	ta est.
Только тварь на тпру, ни ну,	ничуть.
Только тиканье минут.	Молчу.

Вот исписан почерк, что	пора;
не блистается, не в сто	карат;
вот душа моя – ношу –	пуста.
(Ни за что бы, но скажу,	устал).

Истекают сроки, хоть	убей;
иссякают строки о	тебе.
А ведь был трудолюбив.	Илот!
Был как бы неколебим.	И – вот,

...Ни ликуй из мести, ни	карай,
ни горкой без меры, лишь	когда
беспросветный призовет	уют,
помяни меня в своем	раю.

LXXV

Снова дождь, листья в дрожь, и бежит вода.	
Кто-то там притаился. Скажи,	кто там?
Я узнал, безответный. Привет,	мой сын.
Я заплакал бы даже, да нет	слезы.
Это ты ноготочком слегка	в окно?
Ты куда и откуда? Ну как	оно?
А у нас без тебя тот же цирк	планет,
тот же мета-обман, суицид	сует,
бестолковый будильник одно:	тик-тик,
голова на плечах, за окном	цветник.
Что еще рассказать? Хочешь, рас-	скажу
все, что знаю, а именно сказ-	ку-жуть!
Оловянный, как Андерсен, жил	солдат,
он уже не тужил, он решил –	все так,
потому что расплавился в дым,	в кружок.
Как живу? Постепенно. Как ты,	дружок?
Что-то вид твой не жемчуг. Ну да,	прости.
А у нас свет да газ, календарь	висит.
А у нас мудрость глаз. Только не	блестят.
Только молодость лиц больше не-	где взять.

LXXVI

Ночные дождины – в салон такси.
И дождины по стеклам. Послушная, спишь.
Мой мертвый щенок на коленях. Обняв.
Обнаженные кружева, духи, коньяк.

Спишь: улыбка мечтаний о чем-то,
видавшие поцелуи спина, плечо.
Безропотно счастлива, в колени влюбленная;
приблудный, безнадежно больной ребенок.

Каждый первый в такую мокрую ночь
среди домов беспрепятственно одинок.
В эту одну из библейских дат
вся и все утомились, мертвецки спят.

В эту из дат – звук дождя в металл,
или счетчик – щелк! – чтоб рубли мотать.
Поскули про жизнь, пока спишь в тепле,
пьяная девушка, мать детей.

Обиталка гостиниц, куда-то завтра?
Искать свое золото? мечтать свой Запад?
Да не прикоснутся ни быт, ни СПИД.
Спи, моя горькая, порочная, спи.

Над лицом спокойным – твоим – помолюсь,
осеню его, спящее, знаком «плюс»,
в тихие волосы впутаю пальцы.
Спи. На свет не просыпайся.

LXXVII

...Океан – словно лужица,	острова...
Это только вам кажется –	дважды два.
Вы хорошая девушка,	с вами рай.
Но на полюсе (где уж вам)	все февраль.
Пики, крупные хлопоты	впереди.
Нам свои рубиконы бы	перейти.
Я – безмолвнее дерева.	Немость губ.
Я не верю, не верю вам,	не могу.
И уже нету разницы –	первый снег
или – дождь собирается	по весне.
Ходят по миру ножницы:	горе-зло.
А у вас – так вам кажется –	горизонт.
Понимаете, самочка,	нет дорог,
и – тюрьма, а не сказочный	теремок.
Чем помочь, мой хороший, мой	капитан?
Вот и юность-воробушек	отлетал.
Океан солон, странница,	да глубока.
Дай вам, милая, справиться,	дай вам Бог.

LXXVIII

Помнишь, маленький город в полях...
Нет, не помнишь, не слышишь.
На плече (все как суцая явь)
притаилась и дышишь.

Помнишь, город какой-то чудной,
заграничные буквы.
Так давно, совершенно давно,
что и не было будто.

Это поезд, который тогда
помахал и уехал.
И осталось всего-то: одна
серединка от лета.

Там ни крохи воды в вышине,
на траве ни росины.
Мы одни и безгрешны. Нет-нет,
да мыш-птица носилась.

Городок замолчал и молчит.
И не песьего кашля,
ни животного вздоха в ночи.
И ни капли не страшно.

Насекомые у фонаря
не отыщут приюта,
над деревьями точки горят
и дрожат – как смеются.

Заводной этот – помнишь? – сверчок,
там кукушка на флейте...

И заплачешь ко мне на плечо,
ничего не ответишь.

LXXIX

Жил да был человек. Мим лица, вечный оп-	кусник,
тимизма артист, образцовый стилист	грусти.
О цинизма ценитель! Конструктор холста,	розы.
Чей ты есьм, человек? А ничей. Просто так.	Просто.
О мыслитель чудес, дважды два, трижды три –	сколько?
Сколько в мире богинь. Но не боготворил.	Только
этот бедный висок!.. Голубую любил	венку,
Кто так лихо умел – так легко! – загубить	век свой?
Кто умел целовать (сердце мышц – на ножи!)	нежно?
О душа несвобод!.. Небосвод. Кто тут жил –	между?
Кто ходил под луной, возводил на луну	веки?
...Это ж мой силуэт, как лунатик, как гунн	некий...
Столько лет отслужил, положил свой миллиард	тактов.
А никто не узнал, где молитва моя.	Так-то.
Над молитвой моей соловей не вздохнет:	Боже!
Только ранней весной опустеет мое	ложе.
И останется книга. На память. И то:	если.
...Жил да был человек. (Вот хороший итог	пьесы).

ШЕСТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

LXXXI

спешил одно письмо увы не вам
просторное как сыплется песок
пространное любым своим словам
лишь чувства ничего или письмо
не верю начинать уже устал
каких-то чувств печать печаль следа
бог с вами просто муза мой устав
не вам под силу было и всегда
не даже мне что музыку не смог
что форм не сформулировал и сам
успеть одно пространное письмо
которое бог с вами дописав

LXXII

Но	не всходил	– почему?	–	день.
Ночь,	я один.	В чувствах	сму-тен.	
Я,	в седине,	не удел		был,
на-	едине	леденел,		выл.
Выл,	как матрос,	закусив		шлюз:
дым	папирос –	весь курсив		шлюх!
Да	вот беда.	И лишен		тем...
Так	по пятам	и взошел		день.
В бой,	как свинец,	восходил		день:
злой	бубенец	где-то динь-		день,
зев	раскрывал-	ся у роз-		ы.
Сел,	горевал,	как матрос		выл.
Но	отошел.	И теперь –		о!
Вновь	хорошо	и дебе-		ло
Мне?	Умолять?	Я как гриб		нем.
Нет,	(тра-ля-ля)	не погиб-		нем.
Знай,	прочитав.	Только пусть		день
Нам,	как черта,	так и бу-		дет.

LXXXIII

Милый малютка, скверное дело,
как же нам жутко плясать или плакать.
За: в час печали с кем мы не с теми –
пальцы с ногтями вот вам на плаху,

Пальцы да пальцы, бедный мой берег,
странный, как мальчик перед луною,
страшно, малютка, не что-то, но – время;
рифмой в минуту мой резус, мой номер.

Грустный малютка, ветер, веселье
бегает будто смерть по странице.
Лишние, видишь ли, мы, да и все мы:
бьемся как вишенки, не раздвоиться.

Не отвечай, но взойдет он, наш пурпур.
Да, не сейчас, но один-то! на сто!
...Слова дорисую – про нас, а под утро
как будто усну с постаревшим лицом.

LXXXIV

Твой я,
кто, как никто, исследовал тебя губами,
творя
творенье Ты в словах (убей, а не убавить),
я был
один. О не из тех, они. Что взять, что дать им?
Ямбы
осуществлял, хорей дикие, как птеро-дактиль.
Глоток
не настоящ, не так ли-а-цедейство в лицах?
О том:
спасти моли(твою) мне – не. И не – проститься.
А мне,
которому (как знать, кто тот сегодня Скрябин?) –
амен
под рифмицами подвести. Под всеми. Амен.
Да, так.
Бардак, Дэ Арк. Когда (как? в дар?) тебя успели?
Пятак,
не ореол. Я знал, я поздравлял – с успехом.
Шипит
(не в мир – сам по себе) перо. Бежит мой почерк.
Живи,
Дж(-оконда?-окер?), вдаль. Как сможешь – улыбнись.

LXXXV

Не осень дней, но капелька-срок.
Уж не во мне количество строк.
На пальце одном как аист летел.
...Искавшему дом: нигде.

Теперь за все стреляй по лицу.
За каждый взлет склоняюсь на суд.
Уже не спеши: без листьев флагшток.
...Искавшему жить: ничто.

Копейки глаз и веточки муз.
Она для нас, не дама, а туз.
Вкусившему смех – с каемочкой смерть,
искавшему смерть: не сметь.

Не осень дней, но белый мой страх.
Нас больше нет. Лишь все на местах.
Уже ни любовь, ни сердце, ни стук.
...Протектором по стеклу.

LXXXVI

Lady, lady, you are right:
кого хочешь, выбирай –
юношей на пляжах майских,
сутенеров разной масти,
обаятельных отелло
в мебелированных мотелях...
Lady, lady, you are right:
цифра 30, вам пора.

Персонаж моих трагедий,
выживете ли, ответьте?
Lady, lady, you are right,
вам в любви не умирать
(...вам – в объятиях моих).
Девушка, не обманись
в тех случайных и без счету,
просто или – увлеченных.
Не трезвея на рассвете,
– как же так, моя безумец! –
жизнь меняешь и бессмертье.
Бриллиант – в блевоту улиц.

Lady, lady.
You are right:
нищий, да обрящет рай.

LXXXVII

Наше дело правое, победим.
Наша тема: главное – впереди.
Наши планы просто жить, кто сильней.
...Ваша правда, в роскоши веселей.

Кто ж вас только, милая, не таскал?
Веселимся в мире мы, а тоска,
Веселимся. С трауром оптимизм.
...Наше дело правое, победим...

Кто почем, всядная, в номерах
ваше тело пьяное подбирал?
Понимала в точности эту жизнь.
...Веселились прочие от души.

На двоих послушную лаской взяв,
пользовали дружно так и сяк.
Хныкала лишь голосом с хрипотцой.
Скомканые волосы. Вниз лицом.

LXXXVIII

Смерть напридумала, мало ли тут что нет места;
мечь что ли – вся в неглиже, но гляжу – вся притихла,
что-то сквозь губы, а что, не понять, неизвестно;
пепел, как пена на теле – с картин Афродита –

и пропади; так и есть, и уже доживаешь:
взгляд приоткрыт, что-то помнит, а помнит – слезины;
два пятака еще дышат – чьи зубы жевали,
кожу слюнявили, волосы? в пальцы бессильные

кольцы вплетались и прочие тонкие вещи;
в дребезг разута, до листика – стая за стаей;
в искорках потных, растаскана, пяतिकонечна;
кончено: ногтем аорту, во рту буква встала,

только улыбка – «спасибо» – наверно, нелепо;
верная шлюха, и чтоб тебе сгинуть (и мне бы
не медитировать более); в поле с восторгом
птицы сожрали глаза. О ресницам простор!

LXXXIX ТУТМОС

Чьи тени слетелись? и ждут? и шушукают по три?
Глаза отшлифую. На саже замешенной смесью
зрачок нарисую, второй нарисую, и – смотря.
Забуду запреты, душа перепутает место.

Настойчивым словом – Осириса, Птаха и Хнума.
Когда змеевидные вены до кончиков дрогнут
и плоские груди теплее, вздохнули-вздохнули
широкие плечи-канон-параллельные ноги.

Я веки уже оближу и в губах изваляю.
Жена и сестра его тела, угодного трону,
при жизни надгробной наложница всех изваяний,
каких-то, у входы во храмы, каких-то огромных.

Я знаком Гадеса-Плутона ключицы раздвою,
усилием вниз, там, где волосы слипнутся бурым.
И быстрой рукою внутри, и в ладони завоет,
как будто запросит, слезами забьется как будто.

Последний любовник, я в крик утолю твою жадность.
И больше уже не ищи бесконечные будни
ни в царстве ни в этом, ни в том.
Умирай и рождайся,
покоя не будет, покоя не будет, не будет.

ХС

Цветок-растение, Цирцея или просто подлец
с лицом полководца Эпира, первых морских принцесс,
недоносок, но с каким торсом римских резцов!
Стань очевидец: пред очи папирус золотых образцов.
Клодией блестящего цеха провозглашаема вы:
все конвульсии бледныя искусных эстетских мышц,
слюнявый соблазн, ремесло высокое поз,
вибрация пальцев или мистерия царских волос,
волос мистерия или истерик цитата ногтей,
мычание молча – нетрезвый пластом мертвец,
Лолитка подростков, сладкая и в тридцать своих,
не веселитесь, Лолитка, прославлена эрос-стих.
И тридцать своих – серебром – отыграются просто:
истерты глаза до росы и рот твой сей плотский,
в губах стеклянных лобзанья да трепеты языков –
соленая лишь, ни следа, не густая кровь.
Прощаю спонтаны слез хрустальных, искренних фраз:
глотай всё зубами фалы дурные до рвотных спазм,
нищенка, сердце лиловое, глухой иступленный секс,
алкоголица-Лесбия, бессмертье в мой писчий текст.

ХСІ

засохших зверушек в твоём теремке, безымянные,
ходили, мечтать воровали, все грабили больше,
вот так вот по свету ли долго ли, коротко маялись.
Ах глазакрывала, шептала, чтоб утром не помнишь,

влюбленыши тело живое оплодотворяли:
лицо размалев-а-на ноги ажурны колготках,
ни места дотронуться, в кровь разоренная, дрянь ли,
изыск, императорский мальчик, царица-кокотка.

И все в этомирешеноль. Ничего не залижешь.
Я черную прах окропить, и ростку не взродиться,
я капелькой траурной трижды и трижды и трижды,
подонка моя, божествоварь моя, гермафродитка.

XCII

Семь их, семь. Рыщут ли, Не про смерть Надо мной свищут как! – Семь их, семь. на Земле Ноженки и оскал – Я – живой!	И во след следят. рыщут-рыщут страх. (что спасенье смерть?). вслух хихикают, самый голый страх. И найдут, нашли, кто живой один. прижимай к груди песню горлом петь. Забирайте вон.
--	--

Всяк Самсон раздвигал Всяк Самсон Как же так, Я тебя девочка, плакал я, ах жалел. скрипочка Хорошо, Вот и мы. на ноге красну-ну Но плодов Жив еще, «Приходи! Приходи, ПРИХОДИ,	твой раскрыв рот-нем, пьяны пальцы врозь, поборол тебя. как же, девочка? как любовь любил, и дышать берег, кто обидел вас, (Симметричны сны), тонко скрип да скрип, хорошо нам тут. Зря, что плакал я, все ходил, хожу, пену вытру с век. пруд не наплодил, улыбаюсь в земь: Их в глазах кишит. да закончен мир. ДА ЗАКОНЧЕН МИР».
---	---

ХСІІІ ЭПИТАФИЯ

закрой; ни чернил напишу – белизна –
как смерть на лице; тщет бумаг не листай;
суть семиотичны, о чем-то не то:
всего у форматов – основа-уто́к;
(не зри эпитайну не вашей души)
не глаз фонаря, а до света дожить;
остави, прохожий, не тронь ни нутро,
о ты, человек, на странице – закрой.

XCIV ДЕРЕВО

Бездыханный ствол – в силу желтых об
стоять как на и не сметь и чтоб
ничего не сметь, не мечтать: леса...
крив, что ваша жизнь, бездыхан, как знак,
вопрошающ нечто; -давай не за-
ведь ни черту душу, ни душе бальзам;
сукин сын, подтасуешь, а все одно –
шестерка, семерка. Что туз козырной?
...Ускользать-таки и, таки, ускользнуть,
потушить зрачки и почти ко сну,
где туман и платок голубой мелькал;
недвижим ли быть, илицом в рукав,
и не помнить об-ни-лик, только жест,
жест разведенными: все мол, весь,
убежалисты, бездыханный ствол,
гол, как сокол,
и един. Как перст.

ХСV ОТ

Без сомнений – взошло солнце.
Из Китая пришло. Тайно.
Но никто не узрел нонсенс;
не узрев, не сказал: дай нам...

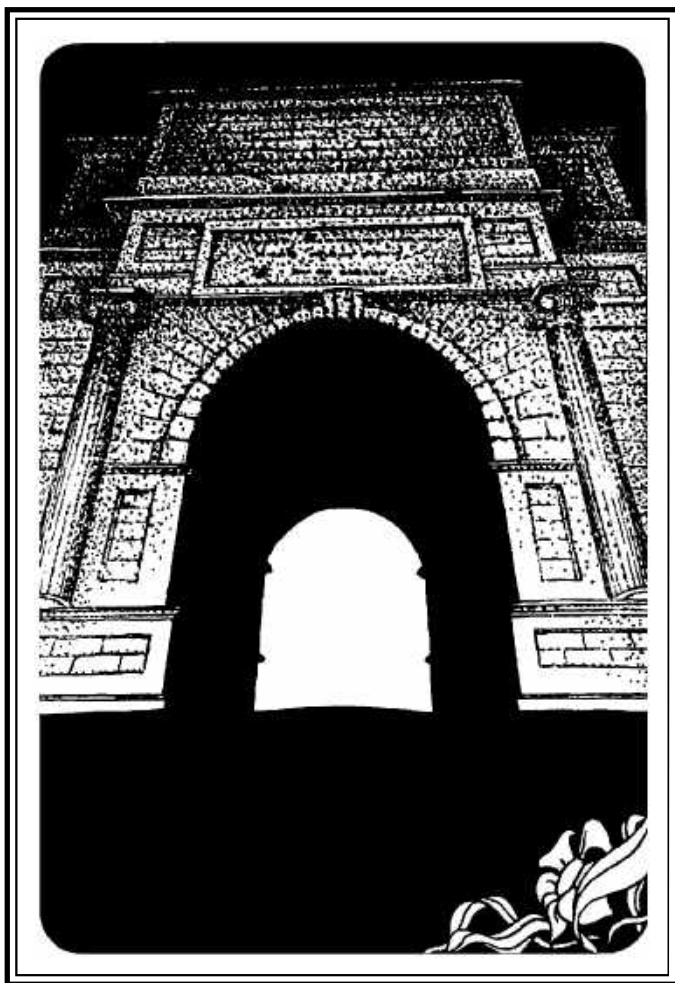
И никто не успел с поля
возвратиться в дома предков,
ни одежд, ни куска с солью.
А стоял и смотрел – этот.

Он смотрел: горизонт узок.
Все смотрел, а в глазах триллер.
И обуза как раз муза.
И повесил в ветвях лиру.

И судили судом – лично –
семь светил в образах быта,
подносили (все семь) спичку –
ничего. Остепел, быдло.

Лишь одна – лепестком дрожи
прилетала просить: можно?
И в слезах, и летала около.
Но любую любовь – проклял.

ЭПИЛОГ

XCVI

Тишь. Из асфальтов торчали дома –
розовели рыла.
Крупная птица, все по делам,
скрип крыльев.

Всякие птицы бежали мимо.
Газоны влажны.
Тишь. Завершался с богом и с миром
цикл бумажный.

И завершался. Свершалось утро
на головы спавших.
Следили будильники время суток.
Спи дальше.

...Кто он, обманывал пятеро чувств:
вот реальность.

И просыпаешься из-под кольчуг,
открываешь,

куришь, тизанка, пепел на пол,
не заметишь
над Персеподем (мой Персеполь!)
черный ветер.

Ахеменидов (ах, и меня)
нет дважды.
Нет, не осталось. Останутся нам
долги наши.

Цикл закончился. Вотще погиб.
Опять – гибель.
Не зарыдают очи мои.
Мои ибо.

ХСVII

Слабеет; ли числом объятий чьих,
сединками ли, нервами: едва
очнувшись от
отчаянных бесчинств,
неровным в телефоне – ревновать?
меня? (родная, как комичен труд).

...У огонька моления-молчок,
дыханьем тих, оранжев пред свечой:

«Да будет царствие Твое и тут;
прости ей варварство телес и уст,
животный блуд, материальный нрав.
Она любила, как умела: пусть.
Кто любит, только тот – и только – прав».

XCVIII

Лепетала – бледная, – слова	о,
умирала преданной соба-	кой,
припадала прядями к груди,	то,
отметавшись, засыпала ти-	хо.
Возлагала пальцы мне на гор-	ло –
не сомкнула, улыбнулась горь-	ко;
серебрилась искорка со щек,	да
где теперь, не сбилась ли со сче-	та?
Вен вино вливала, да вино	вен.
Отквитала слезки... Да, вино-	вен.
...Месяц всходит и заходит ме-	сяц.
Вот и не казнят меня, и не	мстят.
Потому что нет меня на кар-	те!
...За тобой я был сюда, иска-	тель.
Что ж, не завтра утро моего	дня;
многие придут и скажут: вот	я.

XCIX

О Савл, Савл, зачем ты гонишь? Куда мне дом?
Зачем свой камень усопшим сердцем в мою ладонь?
Где твой дом, Савл, не конь копытный? Кто пилигрим?
И все же гонишь. За что, за горечь твоей зари?

О чем тяжелым вином в стакане? О чем, ловец?
Все ярких мифов? О эта мнимость, о человек.
О иллюзорность. Роса и розы в других садах.
А мы для скорби. И это слово не я слагал.

Лишь мир бездомный – мои секунды. Стою босой.
Теперь бессмертье. Твой тихий камень беру с собой.
Песок-песчинки мои секунды. Я зверь пустынь.
А был прилежным в своих надеждах. Ну что ж, прости.

Я знаю день свой. А был возможен. Я просто – был.
Не этим хлебом, не только небо свое любил.
О Савл, Савл, я удаляюсь. Прости же, Савл.
Я был (не спорьте), я был из плоти. Я все сказал.

С

Не обращай на меня, Магдалина,
дни мои вышли, но все не напрасно.
Верь, говорю тебе, маки в долинах,
небо в алмазах.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
КАТУЛЛ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
AVE ЛИРА	9
Да кто ж мне компенсирует потери	10
Дон Кихот ли, дон Жуан	11
Ночь зацепилась за антенны	12
Я не против, я, в общем-то, за	13
ПЕШЕХОД	14
Кто-то, как Лир, бродит,	15
Мне только тронуть: Сгинь!	16
В комнатах не различимы	17
В стеклянное окно – позвоною в окно	18
Со слезой трижды наши шансы	19
Тот, другой, античный, изрек	20
Да ты ли явилась через столько лет	21
Тени порхают в тени портала	22
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	23
Стоял, улыбался. А море, как море	25
Слушая вас, я	26
Я к тебе прикасался красиво	27
АНТОНИЙ	28
Где жажда жить? где жало, смерть?	29
(РОМУЛ АВГУСТУЛ)	30

Я вас любил. Я вас страдал.	31
Я твой Тутмос. Ты – лицо.	32
Ни наяву, тем более	33
Пульс венозный, неясен слог	34
Уст не поднимет крик: спасите	35
ГАМЛЕТ	36
Крепко рифмы проделывал	37
АНТИНОЙ	38
ГЕРОСТРАТ	39
Так и стою. На ботфортах кристаллики.	40
ЧАСТЬ ТРИ	41
АЛЬФА И ОМЕГА	43
(РАЗ)	44
(РАЗ-ДВА)	45
(РАЗ-ДВА-ТРИ)	46
По словечку, а вот отмечтал	47
ДОРИАН	48
Опустите шторы, флаги до утра.	49
ВЕНОК	50
Хлад не милей милосердий любовных.	51
В атмосфере прижился Ангел	52
ОРФЕЙ	53
ФРАНЧЕСКО	54
Видишь, виденья и те не цветут	55
ФЕНИКС	56
АИД – ОРФЕЮ	57
Перестанем в литавры, мой траурный Биг Бен	58
ЧАСТЬ ЧЕТЫРЕ	59
ПАЛИНДРОМ, КЛОДИЯ	61
С яблонь, с плеч ли – недалече катит камень.	62
Да, хожу, пальцем щупаю следы.	63
Потому что разум – не руки-крылья	64
Утро-ультрамарин	65
Встань и ходи.	66

Разменял до метафор и шлю вам	67
Все реже, реже	68
Листья, что так бежали, кричали так	69
Гость прошлогодний, куда ни кинь	70
Говоришь, они прошли как тени	71
Одна, без племени, детенок под стеклом	72
Я – ИДОЛ, КЛОДИЯ	73
ПИГМАЛИОН	74
Кусок самцам ли, тонким женщинам	75
Перо проворно	76

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

77

Не уходи, побудь со мною	79
ГИМН	80
Я, а рядом дождь	81
По щетине – слеза	82
Как фонари слепят!	83
МОСТ	84
ИЗ ФЕТА	85
О чем, моя никчемная, о чем	86
Все пройдет (sic transit...)	87
SILENTIUM	88
Но творил тебя не из небес	89
Снова дождь, листья в дрожь, и бежит вода	90
Ночные дождины – в салон такси	91
...Океан – словно лужица, острова	92
Помнишь, маленький город в полях	93
Жил да был человек	94

ШЕСТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

95

Плачь, Андромаха, над телом	97
спешил одно письмо увы не вам	98
Но не всходил – почему? – день	99
Милый малютка, скверное дело	100
Твой я	101
Не осень дней, но капелька-срок	102

Lady, lady, you are right:	103
Наше дело правое, победим.	104
Смерть напридумала, мало ли тут что нет места	105
ТУТМОС	106
Цветок-растение, Цирцея или просто	107
Засохших зверушек в твоём теремке	108
Семь их, семь. И во след следят	109
ЭПИТАФИЯ	110
ДЕРЕВО	111
ОТ	112
ЭПИЛОГ	113
Тишь. Из асфальтов торчали дома	115
Слабеет; ли числом объятий чьих	116
Лепетала – бледная, – слова	117
О Савл, Савл, зачем ты гонишь? Куда мне дом?	118
Не обращай на меня, Магдалина	119

Евгений Антипов
Клодия сестра Клодия.

Редактор:
В.П.Пресняков

Издательство:
Негосударственное учреждение культуры
«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»
Изготовление электронного макета, вёрстка,
художественная и техническая редакция.
Дизайн: Уржумцев В.В., Антипов Е.И.
191014, Санкт–Петербург, наб. р. Фонтанки, 34
E-mail: SilverageGalia@mail.ru

Отпечатано из готового электронного макета:
ООО «Название типографии»
Почтовый индекс, Санкт–Петербург, Название ул., д. ??,
адрес электронной почты и сайта.

Подписано в печать ???.?.2016 Формат 60x90/16; 8 печ. л.,
тираж ????? экз. Заказ № ?????.